



18+

Елена Соколова

Время чудес

Стихи и проза разных лет

Елена Соколова
Время чудес. Стихи
и проза разных лет

<https://litres.ru/74149283>

ISBN 9785007001533

Аннотация

В этой книге собраны стихи и проза разных лет — начиная с 2016 года и по сегодняшний день. Десятилетие творческой деятельности, своеобразный отчёт писательницы перед самой собой и читателями. Сегодня такая форма сборников — редкость, ибо она «вне жанра», но именно такая подача способна высветить различные грани стиля, характера и глубины творческого мышления и метода писателя.

Содержание

ПРОЛОГ	5
О горьком детстве и о красоте	5
Немножко размышлений, как и полагается	6
МОЙ ПУТЬ	10
Монолог писателя (обращённый к читателю)	11
ОСКОЛКИ	20
РЫЖИК, ЛАРА — ДВЕ СЕСТРЫ	21
Место действия	21
Интерьеры	24
День сегодняшний	28
Вот так встреча!	32
Шаг в прошлое	36
Шаг обратно	39
Мир с иголочку	42
Вкус свободы	53
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Время чудес

Стихи и проза разных лет

Елена Соколова

Редактор Белисса Бурова

Корректор Наталия Соколова

Фотограф (фото обложки) Елена Соколова

© Елена Соколова, 2026

ISBN 978-5-0070-0153-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

О горьком детстве и о красоте

Немножко размышлений, как и полагается

Когда ты некрасив в детстве и думаешь, что никогда не будешь красивым, ты инстинктивно стараешься возместить ущерб, заполнить свою пустоту красотой чужой. Ты тянешься к красивым людям, вещам и мыслям. Красота других становится твоей от того, что ты делаешь её частью своей жизни. Ты стараешься подружиться с самыми интересными и необычными людьми, ты читаешь необычные книги, ты придумываешь себе необычные хобби. Красота нестандартна, а прекрасное уникально и ты стараешься быть, стать уникальным, дабы возместить свою некрасивость, ибо веришь в обратное — уникальность есть свойство прекрасного, а прекрасное всегда красиво. И следуя этому пути, ты можешь стать красивым.

И это работает. Более того, инстинктивно ты, маленький ребёнок, находишь самый верный, самый прямой и самый надёжный путь, потому что только так это и работает. «Скажи мне кто твой кумир, и я скажу кто ты». Чем выше цель, чем прекраснее образ, тем дольше путь к ним и тем точнее и тоньше огранка. Она всегда мучительна. Но итог стоит того.

Отсвет мира красоты ложится на твоё лицо и делает его прекрасным.

Мир, которым ты восхищаешься, всегда преобразует тебя.

И если ты выбрал мир и самом деле достойный восхищения — ты будешь вознаграждён.

«Рано или поздно, так или иначе» — как сказал однажды Макс Фрай.

Особенные знают свою особенность с пелёнок. Мало кто принимает это сразу, большинство сначала ненавидит — и себя, и этот излом в себе. Отсюда первичная отстранённость, стадия изгоя, через болезненные попытки стать как все переходящая в привычку одиночества, — и всё это постепенно трансформирует личное пространство, которое заполняется пережитым и прожитым тобой. И тогда излом становится формой тела и отсюда, с этого момента, начинается создание собственной вселенной.

Отныне особенный — не подходит близко сам и не подпускает других к себе. Он бережёт личное пространство, чтобы не оставались в нём следы чужого присутствия и чужих энергий — их потом так сложно вычищать. Внутренняя сила отторгает тех, кто не созвучен, она ждёт или равного себе или того, кто мощнее — как возможного наставника.

Люди вокруг, даже если не понимают что происходит, всё равно это чувствуют. Они чувствуют, что «не допущены». Они видят, что их — тем самым! — контролируют. Управляют ими. Не напрямую, но управляют.

Люди не знают причин, но видят в этом несправедливость. Их сложно за это винить. Когда кто-то талантлив более, чем другие, это и впрямь выглядит нечестно, пока не воспомина-

ешь о цене. Но люди редко думают о цене. Не потому что им до этого не додуматься, а потому что думать об этом — неприятно. Некомфортно.

Никто не восхищается шипами. Ибо не принято. Но они — неотъемлемая часть розы.

Главное для особенного — терпение. Надо дать время важному найти вас и дойти до вас. На это время шипы — оберег, но в любой миг на них могут повиснуть капли вашей собственной крови, потому что именно из них вырастет роза. И если в вас есть сила и подлинный талант, этот миг придёт, потому что в этом — главное назначение шипов. Боль — точка роста для творца. Боль — обратная сторона любого волшебства, любого чуда.

Подлинный творец в настоящем слышит одного себя. Он готов предвосхищать и прислушиваться к творцам будущим, с благоговением внимать собратьям из прошлого, но вот тех, кто рядом, в моменте — нет. Не потому что злой, а потому, что мешают. Излишне требовательны — как и он сам.

Те, из прошлого, уже не суеются, они просто есть. Они величественны, им всё равно, придешь ты на поклон или нет; будущие — ещё в зачатке или просто не существуют. А те, что рядом — требуют внимания. И чем достойнее они — тем сильнее покушаются на личное пространство. Одним своим присутствием.

Подлинные творцы, как правило, это быстро просекают и пресекают. Не от зла или ревности, просто из самосохране-

ния. Или он, или я. Нельзя быть творцом чужого.

Поэтому и одиноки Истинные. Это не вина, не ущерб, не наказание. Это как цвет глаз. Можно замаскировать линзами, но поменять — невозможно.

Единственное спасение — осознать, что так и должно быть. И сделать это как можно раньше. Хотя так никогда не получается. Всё приходит лишь когда вы к этому готовы. Всё приходит вовремя. Или даже не так. Оно приходит либо вовремя, либо не приходит вообще.

В этой мысли спасение для особенного и истинная красота.

Красота Истины.

МОЙ ПУТЬ

*«Философия —
просто осколок разбитого зеркала
универсальной гармонии,
попавший в глаз или в душу».*
(М.К.Мамардашвили)

Монолог писателя (обращённый к читателю)

Позволь мне ещё немного поговорить с тобой, друг мой, открывший эти страницы. Я не знаю, стоит ли, но знаю, что должна попробовать. Здесь, перед тобой — нечто розное и разрозненное, но оно сковано в одну цепь — мной самой, моим сердцем.

Теперь так не принято, но иногда только так и нужно, только так и можно.

Возможно — это тот самый излом, возможно — та самая особость, возможно это неправильность, но и они могут быть красивы, и они могут быть достойны.

И внимания, и любви.

Я очень надеюсь, что это так.

Долгие годы я писала «в себя», потому что была уверена — я недостойна того прекрасного, о котором мечтаю, и всё, что придумывается — это мыльные пузыри, которые лопнут, едва я коснусь их. Нет, думала я, пусть созреет что-то стоящее, что заставит меня, наконец, перелить образы в слова на бумаге. Пусть созреет и выйдет наружу. И я ждала.

А потом ко мне пришла сказка. Точнее, её обрывок, или лучше сказать — осколок. Он был таким резким, ярким, острым — как внезапный приступ боли, как огонь, пылающий

под закрытыми веками, после того как ты взглянул в упор на солнце.

Он, осколок этот, пришел внезапно, это было как удар, как молния, как раскат грома среди ясного полдня. И я... записала его. На обрывке листа бумаги. Чтобы не забыть, мало ли что — сказала я себе, — слишком часто так получалось.

Но это было другое. Это моя Сила, та, что часть и малая частичка Силы Единой, всё-таки нашла способ выйти наружу. Причём, в полном соответствии со всеми моими отмазками.

С тех пор жизнь моя — отражение одного-единственного: «Пока пишу — дышу. Останавливаюсь — и задыхаюсь».

Ты, возможно, посмеешься надо мной, читатель, но в этом ритме живёт не только мое сознание, в нём живёт и моё тело. От этого нет у меня других дорог — мне остаётся только писать, иначе рискую и впрямь задохнуться раньше времени.

Но лучше умереть от усталости, чем от тоски.

За окном сейчас осень в зелени и золоте, и тепло — теплее, кажется, чем даже летом было, ветра нет, тихо.

Осень — пора зрелых душ, тех, кто умеет ценить каждый уходящий миг. Ценить с радостью и надеждой.

Каждый раз, когда я сажусь за работу вплотную, я — вот оно, счастье! — просыпаюсь по утрам в совершенном покое, без этого краткого укола растерянности — черного провала, который острым зрачком цепляет тебя и на миг вгрызается

в грудь. Без этого внезапного страха от кажущейся (или действительной) бессмысленности существования.

Глубокое погружение требует времени. Самоконтроля. Самоотверженности. Отказа от сиюминутного, иначе в руках у тебя в конце концов вместо нового мира оказывается колода замусоленных карт, которые ты тщетно пытаешься сложить в новом порядке, но никакие комбинации не отменяют банальной данности того, что это всё те же разрозненные, старые и уже ничего не значащие кусочки раскрашенного картона. Оно требует отказа от надежды — «глупого чувства», как назвал её однажды Макс Фрай.

Смирение, терпение и вера — вот что здесь нужно. То смирение, которое требует мужества большего, чем подвиг, смирение, исполненное любви истинной, без примеси себялюбия, ревности и корысти. Смирение, которое больше чем жертва, смирение, которое есть отречение. Жертва — это всегда кому-то или во имя; это шаг в мир, напоказ, пусть даже на мгновение одно. Смирение же — отказ себе и уход от мира. Тот, кто смиряется, словно отворачивается и от себя тоже. Но смирение безгласно и нерассуждающе по природе своей, а потому вера и терпение обязательны. В них есть страсть, есть мужество, они как голос гневный и яростный — это хорошо, это важно, одно лишь смирение может убить душу совсем, нельзя ей с ним один на один оставаться.

И здесь, на этой глубине сущего нужна доброта, которую рождает любовь, которая сама и есть — смирение, вера и

мужество.

Каждый раз, когда я начинаю набрасывать текст, думаю: зачем только, ну зачем? Сама не знаю.

А зачем мы вообще живем?

«Если б я не создал свой мир, я бы умер в чужих». Кто это сказал? Кажется, Тарковский. Не помню.

Да, порой единственный способ остаться жить в чуждом тебе мире — это поселиться в том, что создан тобой. Такое удаётся единицам и на это может уйти вся жизнь, но это именно то, на что стоит положить эту самую жизнь — во имя мира собственного, а не чужого и опасного. Мира, где ты говоришь «да», когда нужно сказать «да», и говоришь «нет», когда нужно сказать «нет». Из всей бездны правил совершенствования себя, кочующих в Сети — это единственное необходимое. Всё прочее лишь повторы и иновыражения. Говоря «да» — ты открываешь дверь к себе, говоря «нет» — закрываешь её. Через эту дверь к тебе приходят люди и вещи, события и энергия. Приходят — и уходят тем же путем. Дверь — это Путь.

И нужно беречь своё личное пространство и ухаживать за ним. Оно как сад вокруг дома — если заботаешься о нём, он будет радовать тебя, согревать, служить источником утешения, пищей, кровом, защитой. Если нет — твой сад, твоё личное пространство превратится в непролазные джунгли, которые тебе будет не преодолеть, и в них ты станешь добычей тех, кто придёт за тобой. Твой сад не станет тебе защи-

той, разве что могилой.

Стоит ли класть свою жизнь во имя смерти?

Может быть лучше потратить дни во имя жизни?

Те, кто любит тебя — всё равно будут с тобой, они найдут способ, время и место, люди ведь очень изобретательны, когда им действительно что-то нужно.

И — нет, это не просто рассуждения. Это работает. Это проверено. На собственной шкуре.

Я вполне могу открыть курсы по выживанию.

Возможно, когда-нибудь я так и сделаю.

Но не сейчас. Позже.

Сейчас всё ещё нужно выжить.

Мне кажется, кто-то всё время должен рассказывать людям, как всё обстоит на самом деле, и есть важные вещи — их всё время надо повторять, снова и снова, они быстро забываются, потому что приходят только через боль. А человек боли не любит, хотя и знает, что она нужна ему. Он даже ищет её время от времени, инстинктивно, потому что понимает: только от неё будет ему достойный урок. И всё ж не любит — а потому быстро забывает и саму боль, и её уроки, и тогда Судьбе приходится напоминать ему — разными путями. Повышая градус боли, но повторяя одни и те же беды, или расширяя область бед и вовлекая в неё всё новые и новые сферы его существования, часто вместе с теми, кто близок и дорог человеку. А иногда — иногда она просто наносит сокрушительный удар после длинной череды легких

ненавязчивых звонков.

Этот последний путь — для Одарённых. Для тех, кто был рождён, чтобы стать воплощением Истин Судьбы, или тех, кто, познав эти Истины в долгом и трудном пути, на собственном опыте, усвоили их в результате столь глубоко, что готовы безвозмездно и неустанно делиться ими с миром. Из первых выходят лидеры — пророки, полководцы, реформаторы, а из вторых демиурги — ученые, поэты, писатели.

Итак — я пишу, и стараюсь делать это как можно лучше, а главное — как можно правдивее. Правда, поскуливаю порой — но больше для блезиру, если честно. Как там было у Корнея Чуковского в его знаменитом «От двух до пяти»: «Я не тебе плачу, а тётё Симе...». Вот и у меня — нечто в том же духе.

Иногда всё же заостряюсь: ну, скажи, скажи, сознайся, ну хоть себе под нос, хоть шёпотом — зачем? Всё равно — ни денег, ни славы. Поздно всё, всё не вовремя.

Но мне однажды сказали важное: «Вы заставляете задуматься...»

Как у Шварца: «Зачем нужна смерть героев? Зачем нужны печальные концы?»

И ответ Волшебника: «Они заставляют задуматься оставшихся в живых».

Печальны не печальные концы, в конце концов, все там будем. Печально то, что по-другому — мы не понимаем.

А то, что пишу в стол... Ну, во-первых, не так уж и в стол (аллилуйя Сети), а во-вторых, может быть, именно сейчас и есть — вовремя? Может быть — так и надо?

Но ведь не узнаешь, пока не сделаешь, а главное — пока не отойдёшь от сделанного подальше.

Да, я вольна писать, но вольна и не делать этого, ибо — зачем?

Деятельность, что не приносит пользы — бессмысленна. Она иссушает. Результатом должно быть хоть что-то. Благодарность. Чувство собственного достоинства. Радость. Улыбка. Спокойствие души.

Зачем — самый главный вопрос. Он о смысле, заложенном внутри мира, нас самих.

Внутренний смысл — внутренний стержень, опора и суть. Внутренний смысл — как вектор, как лестница. Лестница в небо, по которой ты свободен идти, идти бесконечно.

Но человек конечен. А его душа?

Мы потому и выжили на этой планете, потому и способны оставаться людьми, что есть в нас нечто сопротивляющееся насилию и злу, и в этом суть нашей природы, и никакие кризисы, пытки, лишения и боль не способны угасить главного в нас — сопротивления души. Чего-то, такого «эфемерного» с точки зрения практической медицины, такого «неизвестно где располагающегося» с точки зрения физиологии, и такого — с точки зрения философии, — «однозначно несуществующего, но всё время присутствующего», внутреннего наше-

го «Я».

Я пишу, потому что не могу иначе. И никогда не устаю от сочинительства, ибо оно во мне река и бесконечность. Я словно смотрю киноленту, что показывает мне некто по имени Беспредельность. Я не знаю, где это хранится и откуда берётся. Я вижу свои будущие книги как фильм в кинотеатре — цветным широким экраном, с музыкой и голосами. Это забирает почти все силы и не дает отвлекаться на уютные мелочи простого человеческого существования.

Я живу с мыслью, что участь тех, кого избрали Высшие — зачастую печальна.

И мысли этой присуще столь неизбывное достоинство, что одна только мечта быть причастным хотя бы краем — возвышает, смиряет и оправдывает.

И облегчает боль.

Чем преданнее твое служение Искусству и Истине — тем меньше становится рядом истинно преданных тебе. А потом, когда ты остаешься и вовсе один на один с Вечностью, её ледяное дыхание становится колыбелью для твоей измученной души и единственным утешением там, за гранью всего Сущего. А то, что ты сделал — если делал честно, со страстью и смирением — остаётся в мире и само становится потом Искусством и Истиной.

Скажете — чудо?

Да. Но они всё-таки случаются. Я верю в это, но не жду

их для себя.

Я не жду вас, чудеса.

Но вы приходите, если захочется.

Я не настаиваю.

Я просто живу так, как умею.

Возможно, я недостойна.

Но иногда...

Иногда я думаю, что, возможно, чудо, назначенное мне, столь велико, что судьбе никак не удастся протащить его в двери. Вот она и режет его на кусочки, а я расстраиваюсь, думая, что мне только осколки и достаются...

Что ж — пусть будут осколки. Или даже осколочки.

В них тоже отражается солнце...

Сентябрь 2025, Петербург

ОСКОЛКИ ПРОЗА 2016 -2025

РЫЖИК, ЛАРА — ДВЕ СЕСТРЫ

попытка сценария

*«Now I cry,
Broken inside
Now everything in my world seems wrong
Life is not a game
For boys and girls to play
And simply change the rules
When it don't turn out your way»
(We As Human «Broken Inside»)¹*

Место действия

Август, последняя декада перед сентябрем, ещё жарко днём, но холодает ночами. Утра ясные, тонко прорисованные, часам к десяти разгорается солнце, но осень уже даёт себя знать: в воздухе — свежесть и колкость подступающих заморозков, воздух прозрачен, краски и линии яркие, насыщенные, отчётливые. Пригородное шоссе, длинной узкой лентой прорезающее холмистую местность, среди зелени деревьев и раскинувшихся вдаль полей, укрыто словно

¹ We as Human — христианская рок-группа (Нэшвилл, штат Теннесси, США, была основана в 2006г. «Broken inside» — песня из их альбома «Burning Satellites», вышедшего в 2007-м.

боевым доспехом летящими по нему машинами. Они снуют деловито и беспорядочно — яркие жуки, жужелицы, божьи коровки, сверкающие цветные панцири, массовый исход... куда... зачем? Ехать, просто ехать, чтобы смотреть по сторонам, как в старой доброй Америке из старых фильмов, где принято постоянно переезжать с места на место, меняя работу, школу, штат, друзей и любимых, от которых потом остаются только старые фотографии и неясные воспоминания. Ах, эта старая, добрая Америка!

Огромный рекламный щит: Джулия Робертс — в рекламе L'Oreal. И с этого момента — знаменитая песня из фильма «Красотка», фоном, за кадром, но отчетливо распознаваемая. Камера выхватывает одну из машин в ленте (дорогую, сияющую полированными боками, с затемнёнными стеклами, и белую, обязательно белую), зависает сбоку — сзади, вдоль борта, заглядывая в открытое на две трети окно. Красивая рука, с тонким запястьем — на руле, дорогие часы, маленькие; аккуратный, с чуть скругленными линиями, корпус. Золото, тронутое бриллиантовой россыпью, кожаный ремешок, гладкая кожа, форма ремешка тоже чуть округлая в поперечном сечении, тёмно-красного цвета. Мы не видим лица женщины, только руку с часами на руле, и длинные, откиннутые назад волосы, светлые, отливающие пшеничным золотом, лежащие тяжелой, крупной волной. Музыка становится громче по мере приближения камеры к борту, становится понятно, что звуки песни идут из машины. Камера

«снимается» с точки, отдаляется назад — вверх, отпуская и машину, и ленту шоссе. Песня стихает.

Интерьеры

Начинается как скольжение камеры по разбросанным старым фото в сопровождении «К Элизе» Бетховена. Исполнение должно быть неуверенным, слегка запинаящимся, ученическим и с чуть дребезжащим звуком — как на старых записях.

Фото 1: Не очень хорошего качества, в углу, наверху, пометка «1993г.» на светлом кусочке подписано шариковой ручкой. На фото — дорожка перед обшарпанным подъездом пятиэтажки в поселке городского типа. Дверь распахнута, вдоль дорожки к подъезду — чахлые саженцы, скамейка. Время года — ранняя весна; оседающие сугробы, грязь, лужи. На дорожке — женщина в чёрном платке, приталенном тёмном пальто и коротких стареньких ботиках чуть не довоенного фасона держит за руки двух девочек, на вид пяти и десяти лет. У младшей на голове — два огромных капроновых банта, ярко-голубых в крупную синюю крапинку. На старшей — длинный, не по росту, непромокаемый плащ, синий с желтым, добротный, и явно с чужого плеча. Она смотрит в сторону, куда-то вдаль, отвернувшись от центра фото, куда-то за его край.

Фото 2: Портретное, снятое, видимо, в поселковом фотоателье: две школьницы в тёмных сарафанах и белых кофточках; одна — с чёлкой, хвост на самой макушке, ярко-ры-

жие волосы, лет десяти; вторая — старше, ей — пятнадцать или около того. Очень густые, золотистые с рыжиной волосы, причёска — два тяжелых хвоста, перехваченных чёрными резинками по бокам, под мочками ушей, переброшены вперёд на грудь. Взгляд у старшей — теперь через центр фотографии, но, как и на предыдущем фото, вновь — вдаль и вверх.

Фото 3: Широкое крыльцо типовой школы, над козырьком — растяжка «Последний звонок — 1999». Группка выпускников с учителями.

Фото 4: Девушка (старшая девочка с предыдущих фото), в длинном платье, сшитом в стиле староанглийских файери — двухслойное, из цветного крепдешина, с зеленовато-синими и белыми разводами-вихрями, туманными и расплывчатости. Длинные рукава, пережатые зелёными лентами над локтями; лиф, подхваченный под грудью тёмно-зелёным витым шнуром, дальше — от вниз от лифа — платье плавно расширяется; бархатная узкая чёрная лента придерживает распущенные волосы. В руках — несколько белых гвоздик, перевязанных такой же как в волосах, ленточкой.

Фото 5: Та же девушка, только старше на 10 лет, портретное фото явно из дорогой студии, снятое в три четверти. Она сидит в старинном кресле, на фоне алой, атласной драпировки. Прическа а-ля Greek, неширокая золотая лента низко через лоб, над начернёнными бровями, длинные тонкие цепочки-серьги, золотыми круглыми точками, воткнутые в мочки

ушей, узкий и глубокий вырез бархатного чёрного платья. Окат плеча чуть спущен, обнаженные руки сложены на коленях. Ногти нежно-розово-перламутровые, миндалевидной формы — как жемчужины. В пальцах одной руки зажат тонкий янтарный мундштук с вставленной в него сигаретой, на другой руке — часики (такие же, как на женщине за рулем из Пролога).

Дальше быстро мелькают: она же в ресторане, на пляже, с мужчинами, с подружками, в бассейне, на каком-то модном показе.

И вновь стоп-картинка.

Фото 6: Вновь она, с какой-то женщиной, обе укутанные в длинные дорогие шубы, перед входом в салон красоты. Высокие сугробы у лестницы, маленькая новогодняя ель в горшке, на ступеньках курит охранник. Он с самого края фото, частично «срезан», но, тем не менее, виден отчётливо. Высокий, плечистый, густая шевелюра очень светлых, почти белых волос, хорошо видно лицо, так как он стоит внизу, у начала лесенки ведущей к входу в салон и, соответственно, ближе к камере, нежели две подружки.

Далее — меняясь медленно, внушительно — выразительно.

Фото 7:

Здание автосалона, машина (та же, что в начале фильма) перед входом в салон, обвязанная широкой розовой лентой, с огромным бантом на крыше. Мужчина, и всё та же девоч-

ка-девушка-женщина, стоят у распахнутых во всю ширь передних дверей автомобиля. На женщине простое трикотажное платье, белое, длинные волосы распущены, очень загорелая кожа. Просто и лаконично, единственная вызывающая деталь — закрытые босоножки-ботильоны, как у стриптизёрш — ярко-алые, лаковые; очень высокие каблуки и платформа.

Фото 8: Та же женщина — полусидит на крыле машины, в кадре отчётливо: номерной знак машины. Мужчина — у пассажирской передней закрытой (на этот раз) двери.

Фото 9: И вновь она — на водительском сиденье, дверь открыта, она придерживает её рукой, выглядывая из машины. Счастливое, смеющееся лицо.

День сегодняшний

Лара едет в машине. Звонит телефон, она хватается трубку, отвечает, даже не посмотрев на дисплей.

— Алло, да! Маша, ты? О, чёрт, не слышно ничего! (*кричит*) Я сейчас перезвоню!!!

Останавливается на светофоре. Заносит пальцы над дисплеем, нажимает, слушает:

— Занято. Вот непруха!

Телефон в руках взрывается звонком. Лара, трогая машину с места на зелёный сигнал, не глядя, проводит пальцем по дисплею:

— Да!! Да. А.. это ты.... Нет... Слушай, я перезвоню, да не могу я говорить, я за рулём, тут менты повсюду...

Скидывает звонок, не отрываясь от управления, тут же снова нажимает на дисплей, звонит сама.

— Блииин, занято!!!

Вставляет трубку в держатель, нажимает автодозвон и громкую связь. Всё это — продолжая «рулить».

Соединение.

Женский голос:

— Алло!

— Машуня, ну наконец-то дозвонилась! Я тебе весь список на почту кинула.

— Всё написала? Ничего не забыла?

— Да вроде всё.

— Ну, смотри, а то будешь потом, как в прошлый раз волосы на себе рвать...

Лара, с досадой:

— Ох, не напоминай! Машунь, послушай, я часа через три уже дома буду, ты посмотри пока, а я вернусь, сверимся ещё разок. И по сумме — тоже.

— Оки! Ну, давай, до связи. *(Собеседница отключается)*

Светофор. Лара смотрит на дисплей, тянется к телефону в держателе, нехотя, раздумывая, но тут загорается зелёный, сзади нетерпеливо сигналият.

С гримасой:

— А-а-а!

Машет рукой, и стартует рывком, рывкнув сигналом в ответ.

Парковка. Все места в проезде вдоль здания огромного торгового центра заняты. Лара паркуется в поперечном ряду почти напротив входа в салон. Продолжая держать руку на руле, поворачивает к себе запястье, смотрит на часы.

Удовлетворенно:

— 10.30. Как в аптеке! *(шумно вздыхает)* Чёртова рань!

Берёт сумку, выходит, щёлкает «сигналкой», идёт к входу в салон и исчезает за дверью.

Обычная жизнь парковки — в очень убыстрённом темпе. Но вот мельтешение останавливается.

С шоссе съезжает на парковку маленькая светло-зелёная

машинка. Медленно едет вдоль центрального проезда и сворачивает в ряд, который «упирается» в салон красоты. Задом заезжает на свободное место (напротив машины Лары).

Девушка за рулем глушит мотор, откидывается на сиденье, подносит руку в наручных часах к глазам. Смотрит на циферблат.

— 12.45. Опоздаю. Может, не ждать сегодня? Опоздаю ведь...

Потягивается.

— Ладно. Полчасика посижу...

Садится прямо. Взгляд упирается в машину Лары, стоящую напротив. Подскакивает как ужаленная, резко подается вперёд всем телом:

— Господииии!

Лезет в бардачок, трясущимися руками торопливо роется там, вытаскивает сложенные пополам листы формата А4.

На них несколько распечатанных фото, чёрно-белая печать, изображения смазаны, затерты, видно, что распечатки сделаны давно, и не первый день «ездят» сложенными в бардачке, и разворачивают-складывают их часто. Начинает торопливо перебирать листы, выхватывает из середины уже знакомую нам фотографию — женщина (Лара) на крыле машины, перевязанной лентой с огромным бантом на крыше; хватает следующую — во весь лист капот машины и номерной знак. Смотрит на фото, на машину, стоящую напротив, снова на фото, и, поднимая несколько раз глаза, словно све-

ря, проговаривает буквы и цифры номерного знака вслух.

— Не может быть... *(сцепив руки в замок, качает сложенные кулачки перед собой вперёд-назад, с радостной, азартной улыбкой игрока, только что сорвавшего крупный куш на глазах у всех, кто смеялся и не верил)*. Я всё-таки нашла тебя, Ларка!

Поворачивается назад; там, перегораживая сиденье, боком, среди разбросанных вещей, закреплённая ими, как в держателе, стоит огромная папка из плотного картона, с завязками. Говорит, обращаясь к ней, как к живому существу:

— Ну, вот теперь точно опоздаю *(разводит руками)*. Извини.

Машина, стоявшая рядом с машиной Лары (справа) уезжает, Девушка реагирует молниеносно — заводит мотор, срывает машинку с места, и лихо влетает на освободившееся место. Второпях, пролетает буквально в метре перед носом огромного джипа, который медленно катит по проходу.

Джип, яростно крикая, притормаживает, но сзади его подгоняет другая машина, сигналиит в свою очередь, и он, ещё раз прорычав клаксоном, поворачивает в продольный проезд — к выезду с парковки. Девушка, открывает дверь, смотрит ему вслед. Произносит с чувством: « Ну, извини! ». Закуривает. Ждёт.

Вот так встреча!

Лара идёт от салона к машине. Садится.

Девушка выходит из машины, стучит по стеклу пассажирской двери.

Лара опускает стекло.

Девушка заглядывает внутрь.

— Привет!

Немая сцена.

Лара, остолбенело:

— Рыжик? Ты?

— Я.

Лара, перегибаясь, открывает ей дверь.

— Садись!

Девушка, забирается в салон. Смотрит на Лару, восторженно — мечтательно:

— -Сестрёнка! Какая же ты красивая!

Лара, улыбаясь, смотрит на неё:

— А ты всё такая же рыжая (*усмехаясь*) и задорная. Какими судьбами?

Сестра машет рукой:

— Долго рассказывать! (*Кивает в сторону «Макдональдса», яркая вывеска — чуть впереди, сразу за салоном*). Пойдём хоть кофе выпьем. С бутербродами. Ты ешь бутерброды?

Лара, смеясь:

— Ем, конечно же! Но в кафе не пойду. Тороплюсь.

Сестра меняется в лице, пожимает плечами и начинает медленно открывать дверь машины.

Лара хватается её за руку.

— Эй, ты что обиделась?

Прикладывает руку у груди, просительно:

— Ну, я, правда, не могу. Мы с Романом сегодня на очень важную встречу идём, мне нужно домой! (*внезапно, словно сообразив что-то*) Слушай, поехали ко мне. У меня еды полно, дома никого, а Роман раньше шести не приедет. У нас куча времени!

Сестра:

— Хорошо, поехали... (*хочет выйти из машины*)

Лара, снова останавливая её:

— Поедем на моей. Пусть твой Пегас тут постоит, я тебя потом или сама отвезу или такси вызову.

Сестра кладёт руку поверх Лариной ладони.

— Я только возьму кое-что. Подожди!

Выскакивает наружу, вытаскивает из салона своей машины огромную картонную папку, запихивает её в машину Лары, на заднее сиденье.

— Сейчас, таратайку закрою только...

Подходит к своей малолитражке, открывает багажник, смотрит внутрь (*долгая пауза*) потом медленно закрывает его.

Лара коротко сигналист. Сестра машет ей рукой, снова от-

крывает багажник, роется в нём, достает из дальнего угла небольшой сверток, запихивает в свою необъятную сумку, закрывает багажник, щёлкает брелком сигнализации, садится к Ларе в машину, сумку ставит между ног, на пол, перед собой.

Лара с интересом наблюдает за ней.

Сестра:

— Я готова, поехали!

Лара, трогая машину с места:

— Какой у тебя... ридикюль!

Сестра (*с той же интонацией*):

— Зато всё влезает!

— Что — всё?

— Ну, всё... вообще всё!

Лара, показывая назад:

— А там — что?

Сестра, нехотя:

— Рисунки.

— Твои?

— Мои.

— Не бросила?

— Нет.

Лара делает музыку громче, примирительно:

— Ну и хорошо. Сейчас приедем и под кофеек с вкусняшками, я тебе — интерьер и гардероб, а ты мне — свою живопись...

Сестра, все ещё хмурясь:

— Тебе не понравится. Они чёрно-белые.

— Вкусняшки?

— Нет, рисунки...

Лара смеется.

— Зато у меня — «усё в цвете»...

Протягивает сестре руку ладонью вверх, та медлит секунду, потом звучно шлёпает по ней своей ладонью:

— Мир.

Шаг в прошлое

— Лара, открой! Ты слышишь меня?! Открой сейчас же!

Девушка бежит к двери, потом возвращается, лихорадочно сгребает всё, разложенное на большом обеденном столе в углу комнаты, освещённой только тусклым светом ночника. В полиэтиленовый пакет летят куски ткани, нитки, ножницы, девушка растерянно оглядывает комнату....

Голос не умолкает, теперь в дверь комнаты уже стучат.

— Лариса! Я кому говорю! Открой немедленно!

Девушка ногой подцепляет дверцу шкафа, швыряет пакет вниз на дно, сдвигает плотнее вешалки с одеждой, так же, ногой, закрывает шкаф и бежит к двери в комнату.

— Да иду я, иду, мам! Не кричи ты так, весь дом перебудишь!!

Щёлкает задвижка, потом сразу вспыхивает люстра под потолком. Девушка на мгновение зажмуривается, а вошедшая оглядывает комнату. Взгляд останавливается на неплотно прикрытой дверце шкафа, из-под которой торчит кусок ткани. В мгновение ока она оказывается рядом, распахивает дверцу и вытаскивает спрятанный пакет. Девушка бросается к ней. Резким движением мать переворачивает пакет над кроватью, и всё содержимое разлетается по покрывалу. Она хватает куски ткани, тычет ими прямо в лицо дочери.

— Ты!.. Да как ты посмела! Я тебя спрашиваю! Бабушки-

но платье!!

— Мама!

— Что «мама»?! Я спрашиваю, как ты посмела его взять?!

Шалава!

Звучная пощёчина обжигает лицо. Девушка отшатывается, в глазах слёзы:

— Мама!! Да я же только ушить, оно просто будет на два размера меньше, оно же всё равно никому не нужно!!

— Да ты видно и впрямь с ума сошла, дрянь малолетняя! Замуж она собралась! За Генку, за альфонса этого? Да он тебя бросит через полгода, с платьем или без!.. Я тебе запрещаю! Слышишь?!!

Девушка молчит.

Мать поднимает разбросанные куски ткани, складывает обратно в пакет и протягивает дочери.

— Сшивай всё обратно. Времени тебе — до утра. Дверь запиру, сестру можешь не звать, она спит, у неё завтра контрольная, да и не помощник она тебе.

Лара поднимает голову. Глаза вспыхивают яростью, губы кривятся.

— Сдала! Гади́на мелкая, сдала меня, да, ведь так, ну скажи, это же она тебе настучала!!

Мать спокойно:

— Нет.

— Врёшь! Она одна знала! Знала, что я его взяла, что для себя взяла, для своей свадьбы.

Теперь у матери в глазах вспыхивает та же ярость.

— Не будет тебе никакой свадьбы! Платье сошьёшь обратно, из дома чтоб — ни ногой.

Лара, подавшись вперёд, кричит:

— Да плевала я на ваши запреты, захочу — и выйду, и уйду, не остановите!

Мать складывает руки на груди.

— Храбрая! Ну, попробуй.

Лара, так же, криком:

— И попробую.

Мать, ледяным тоном, кивает в сторону двери:

— Выход — там. Не смею задерживать.

Мгновение Лара стоит молча, замерев, а потом вдруг срывается с места, хватает с крючка у двери плащ и сумку и стремительно выбегает из комнаты. Мать бросается следом, но не успевает, и тяжёлая входная дверь с лязгом захлопывается, разделяя её и Лару. Навсегда.

Шаг обратно

И вновь салон машины. Молчание. Музыка.

Лара, через силу:

— Как мама?

Пауза.

— Ну чего молчишь?

— Нет больше мамы.

Лара бьёт по тормозам. Сзади — какофония гудков, крики, мат... Лара включает аварийку, их начинают объезжать, гудя и высовывая кулаки и «факи». Лара поднимает стёкла, шум становится тише, она поворачивается к сестре всем телом:

— Как нет?

Сестра пожимает плечами:

— Умерла. В прошлом году. На Пасху. Я тебя с тех пор всё на этой парковке караулю.

— Караулишь?

— Ну да. Ты же нам о себе знать не давала, ни адреса, ни телефона, как тебя искать?

— И как же ты нашла?

— Случайно. (*Усмехается.*) По фоткам на страничке твоей. Всегда считала, что маразм полнейший эти сети социальные, друзья-подписчики — идиотство беспросветное, а вот поди ж ты, пригодилось... Вассал моего вассала не мой вас-

сал, а подписчик твоего подписчика — мне друг, товарищ и брат..

— Рыж, давай короче!

— А я и так короче некуда... Фоток у тебя много, всяких разных... вот на одной из них тебя и поймала. Ты там с подружкой у ёлки новогодней, а ёлка — у входа в салон, а у салона — вывеска видна, но главное — охранник нечаянно в кадр попал!

— Господи, а охранник-то тут причём?

— А он сосед мой, ниже этажом. Я же тут рядом живу, за леском вон тем. Сюда — ваши виллы, туда — наши трущобы. В общем, всё как полагается: ягнята — направо, козлищи — налево.

Лара, улыбаясь:

— Ну не такие уж мы и разные, Ашан-то общий...

Сестра фыркает:

— Ашан-то общий, корзинки — разные! В общем, поняла я по фоткам, что ты где-то неподалеку живёшь, ну и как приеду, всё по сторонам смотрю, а иногда, если время есть, поближе к салону этому машину подгоню и сижу, жду. Вдруг ты приедешь, красоту наводить, а тут — я! *(усмехается, задорно)* Вот сегодня, видишь, дождалась.

Лара трогает машину с места:

— Ты с кем сейчас живёшь?

— Одна. А ты?

Лара, пропуская вопрос мимо ушей, бросает:

— Соскучилась, получается, раз караулила...

Сестра морщится.

— Да я бы сама и не стала... мама просила тебя найти.

Найти и передать... на память.

— Что передать?

Сестра, внезапно зло и отрывисто:

— Тапочки.

— Что?

— Тапки твои, помнишь, мохнатые такие... она тебе шила.

Лара, угрюмо:

— Не помню.

— А как ты поколотила меня один раз, когда я их надела, тоже не помнишь?

Лара, так же:

— Не помню.

— Что же, мне их теперь — выкинуть?

Лара, коротко вздыхает:

— Ну зачем — выкинуть? Я заберу.

Сестра делает движение к сумке. Лара останавливает её:

— Сейчас приедем и отдашь.

Мир с иголочку

Парковка у дома. Лара ставит машину. Они выходят. Сестра берет сумку, Лара вытаскивает с заднего сиденья папку с картинами. Сестра делает движение в её сторону. Лара смеётся:

— Не уроню, не бойся!

Заходят в квартиру. Сестра, останавливаясь в холле:

— Ох, ничего себе!

Идёт в гостиную, восхищённо осматривается.

Лара начинает подниматься по лестнице на второй этаж, останавливается, спускается вниз за сестрой:

— Пойдём. Это Романа вотчина, мы здесь только ужинаем... иногда...

— А завтракаете?

— Завтракаем у меня в спальне, наверху (*пауза*), а обедаем — врозь (*коротко смеётся*)

Сестра идёт за ней, под нос себе:

— Да и живёте — врозь, похоже...

Громче:

— Он к тебе что, в гости ходит?

— Ну, можно сказать и так...

Сестра, начинает подниматься вслед за Ларой:

— Красиво живёте... богато... со вкусом!

Видит развешанные на стене вдоль лестницы картины и

осекается на полуслове.

Лара, насмешливо:

— Ну как?

Сестра, уклончиво:

— Э-э-э, ничего...

— А если честно?

Сестра, с облегчением, радостно:

— Уродство!

Лара смеётся:

— Я ему передам. Он будет в ярости. Заходи. (*Открывает дверь*)

Сестра, в восхищении.

— Ну, вообще!

Ходит по гостиной. Осматривает, трогает, гладит — детский восторг и радость.

Лара кладет папку с картинками на круглый стол в центре гостиной.

Звонок телефона. Лара идет в гардеробную, сестра — за ней. Лара обсуждает заказ с Машей (байером), сестра ходит за ней по пятам, потом застывает около шуб, начинает их рассматривать, считает вполголоса:

Одна, две, три... Шесть... (*делает огромные глаза*).

Лара подходит к ней и, продолжая разговаривать, обнимает её за плечи:

— ...да, и шубу не забудь.. нет, соболь... знаю, что неноский, хочу... да, ту самую....в пол, ага.... Да, вот именно «

солнце-клеш — меня не трожь»нет, новую коллекцию ждать не буду... эту хочу... да и чёрт с ним.. Ага... и сколько получается? Триста тысяч... Нет, почему? Ну, разумеется, ... и плюс твои комиссионные... ладошки, договорились! Привезут — звони сразу же! Чао!

Сестра вытаскивает из ряда одну из курток, с белой норкой, прикладывает к себе:

— Ух ты! И сколько такая стоит?

Лара шепчет ей что-то на ухо. Сестра вешает куртку обратно. Со вздохом:

— Мне на неё два месяца работать!

Лара улыбается.

— Больше. Это в евро.

Сестра замирает, смотрит на Лару, потом машет рукой и снова начинает перебирать вещи, но теперь уже как-то вяло, нехотя, словно по инерции.

Лара, примирительно, желая загладить бестактность:

— Бог велел делиться, давай-ка подберем тебе что-нибудь!

Звонит стационарный телефон, Лара тянется к трубке, но тут включается автоответчик,

Звучит текст автоответчика. Лара машет рукой, выхватывает из ряда ту самую курточку с белой норкой, и протягивает её сестре. Та робко улыбается, берёт, просовывает руки в рукава....

Текст автоответчика заканчивается, дальше женский го-

лос, задыхающийся от слёз; когда он начинает говорить, сестра застывает, Лара тоже останавливается, видно, что ей хочется прервать запись, но она медлит; голос говорит с такой болью и страстью, что её это словно парализует:

— Ларочка, милая, это я, не могу тебя поймать, ты не перезваниваешь, подруженька, родная выручи, ты же знаешь, Стасику нужна операция, срочная, здесь не делают, только в Германии, он умрёт, Лара, ты слышишь, умрёт! Ларочка, милая, ну всего сто тысяч! Я знаю, ты можешь, у тебя же есть, Лара, помоги, прошу тебя, позвони мне, пожалуйста, Лара, ты меня слышишь?!!

Лара, срываясь, кричит:

— Нет!!!

Бросается вперёд, выключает телефон.

Сестра, подходит, дотрагивается до её руки, тихо:

— Кто такой Стасик?

— Сын её.

— Большой?

— Полтора года.

Сестра:

— Ужас какой!

Лара отворачивается, ровняет вешалки с вещами на кронштейне, не глядя на сестру:

— Да, не повезло бедняжке!

— Но ведь ты ей поможешь?

Лара молчит. Сестра хватает её за руку, разворачивает к

себе:

— Да или нет?

Лара пожимает плечами:

— У меня нет денег.

— Подожди, как нет?! Ты же... ты сейчас только заказала тряпки на сумму в три раза большую!

— Это для дела.

— Слышишь, ты что, совсем больная? Ты вообще понимаешь, что говоришь? Значит, шуба — это дело, а умирающий ребёнок — нет?

— Ну это же не мой ребёнок.

Сестра, медленно отстраняясь:

— Да, это аргумент. Не поспоришь.

Лара, уничтожающе:

— Да что ты понимаешь? Ты помнишь, сколько мне лет?

Сестра, вызывающе:

— Давно не виделись. Забыла.

Лара, шипит сквозь зубы:

— А я напому. Тридцать три.

Сестра, насмешливо:

— Возраст Христа!

Лара:

— Ты — дура!! (*Обводит рукой вокруг*) По меркам этих джунглей, я — старуха!

Пауза.

Лара, устало:

— Ну, хорошо. Я дам ей денег. В следующем месяце.

— Почему не сейчас?

— Потому что сейчас у меня их нет. Мне Роман каждый месяц фиксированную сумму переводит, и в этом месяце я всё уже потратила. Мне и так теперь на одной гречке сидеть придётся, а я её терпеть не могу, да и желудок у меня от неё огнём горит. Дождусь следующего перевода — и дам.

Сестра:

— Ты — дождёшься! А он?

— Кто?

— Ребёнок! Он — дождётся?

Молчание.

Сестра, умоляюще:

— Послушай, ну ведь ты ещё ничего пока не купила! Ты же только заказала. Ну зачем тебе новая шуба, у тебя их вон, шесть штук висит...

Лара возмущённо вскидывает голову:

— Что ты понимаешь! Да их уже все видели! Это нельзя надевать!!

Сестра (*в ней вдруг просыпается что-то вроде азарта, научного интереса*):

— Ах, нельзя?! А что тебе ещё нельзя?

Садится в кресло, закидывает ногу на ногу а la Шэрон Стоун, прищуривается на Лару, и — копируя знаменитый фильм²:

² «Операция „Ы“ и другие приключения Шурика»

— Огласите, пожалуйста, весь список!

Лара, презрительно:

— Хохмишь? Здесь тебе не деревня, здесь свои правила игры.

— Ах, вот оно что? Значит, пока ты их соблюдаешь...?

— Да, дорогая. Пока я их соблюдаю — у меня всё есть.

— А если нарушишь?

— А если нарушу — тогда у меня ничего не будет.

Сестра, спокойно:

— А у тебя и так ничего нет.

Лара в упор смотрит на сестру.

Звонок мобильного телефона. Лара берёт трубку.

— Да. Да. Нет. В этом месяце не смогу. Потерпи немного. *(открывает в компьютере календарь, смотрит в него)*. Сейчас скажу... так.. давай пятнадцатого.. *(слушает ответ)* Ну почему месяц, не месяц, а двадцать два дня... *(слушает ответ, потом внезапно резко, зло)* Не нравится, ищи в другом месте!

Швыряет трубку.

— Надоела!

Сестра из кресла, спокойно и как-то отстранённо:

— Правильно тебя мама тогда выгнала.

Лара, внезапно, взрывом, словно её ударили:

— Я сама ушла!!

Сестра, тоже кричит, так же:

— Она тебя выгнала!! Помнишь за что, или уже забы-

ла??! Забыла, как бабушкино свадебное платье на куски изрезала!

Лара, хватает её за плечи, кричит в лицо:

— Не изрезала, а перешила! Себе! На свою свадьбу, между прочим! А ты меня матери сдала!!! *(Топает ногой)* Скупердяйка чёртова, ей оно всё равно ни к чему было!!

Отворачивается от сестры, закуривает, руки дрожат.

Сестра подходит вплотную. Смотрит через плечо Лары куда-то вдаль, отрешённо, говорит плавно, напевно.

— Бабуля в нём первый раз замуж выходила, в сорок первом, за Гришеньку, как она его звала, у них даже брачной ночи не было, он из загса прямо в эшелон и на фронт, а через месяц убили его. Второй раз в сорок шестом выходила, уже в другом платье, а это — только в годовщину смерти Гришеньки доставала. Вечером достанет и плачет до утра, гладит рукой ткань и плачет... дед даже не ревновал, не сердился. Сам на цыпочках ходил, шикал на всех... после её смерти мама это платье как святыню берегла... *(вдруг, с яростью)* Сука ты, Ларка, ничего святого для тебя нет... *(всхлипывает, по-детски, обиженно)*

Лара тушит сигарету в пепельнице, садится в кресло, обхватывает голову руками, закрывая уши, будто прячась.

Сестра, нависает над ней, мстительно:

— Зря старалась! Бросил тебя твой принц ещё по дороге! Ехала в Москву замуж, а приехала на панель...

Лара, отрывает руки от ушей. Вскидывает голову.

— Я не проститутка!

Сестра:

— Да ну? (*обводит руками вокруг*) А это что? Если это всё

— твоё, можно узнать каким местом ты это заработала? Господи-и! Мама перед смертью так плакала, всё в бреду прощения у тебя просила, что выгнала тогда, так каялась, так винулась!! А ты? Да ты же сейчас, вот только что, из-за какой-то шубы человека на смерть обрекла! Во что ты превратилась, Ларка?! В рабыню, в ноль, в ничто!! Тряпье это? Да ты в школе шила лучше, чем то, что здесь висит!! Деньги? Так они не твои, квартира — не твоя, всё, что на тебе надето — тоже не твоё, даже мысли у тебя в голове — и те чужие...

Лара, слёзы на глазах, кусает губы, снова закуривает.

Сестра внезапно успокаивается, подходит к Ларе, берет её за руку:

— А помнишь, как мы с тобой у Варвары Михайловны в ателье ночевали?

Лара, безразлично:

— Помню.

— Там ещё манекены портновские стояли, безголовые, мы с тобой полночи страшилки про них друг другу рассказывали?

Лара, оживляясь:

— А утром пришла Варвара и нашла нас, ругалась — страсть!

— Точно! А ты её ещё спросила, почему они все без го-

лов, а она засмеялась и говорит: «А на что она им? Здесь я главная, что захочу, то и наденут!»

Отбрасывает руку Лары от себя, отворачивается, отходит в сторону. Лара молчит.

— Зачем тебе голова, сестренка? Шляпу носить? Ты шляпы-то хоть носишь?

— Нет. Я их не люблю.

Сестра вздыхает.

— И голова тебе нужна, только чтобы в неё есть...

Лара, внезапно вспыхивая, с угрозой:

— Убирайся!

Сестра вздрагивает, оборачивается, смотрит на Лару.

Лара (*так же*):

— Уходи, сейчас же!! Вон!

Сестра спускается по лестнице на первый этаж, идёт к двери. Лара идёт за ней, вплотную. Сестра, через плечо:

— Можешь не провожать. Я найду дорогу.

— Я хочу удостовериться, что ты точно ушла.

Сестра кладёт руку на ручку входной двери, поворачивает её.

Лара, стоит у неё за спиной, очень спокойно:

— Ты забыла отдать мне тапочки.

Сестра, не поворачиваясь, говорит, глядя перед собой:

— А зачем они тебе? Куда ты их надевать будешь?

Лара, с нажимом в голосе, зло:

— Дома буду носить.

Сестра, равнодушно:

— Они к обоям в гостиной не подойдут.

Лара, хватает её за плечи, в ярости:

— Отдай. Мои. Тапки.

Сестра, не пытаясь освободиться, молча вытаскивает свёрток из сумки, поднимает высоко над головой. Лара вырывает его из рук сестры.

Сестра, словно ставя точку:

— Прощай.

Толкает дверь и исчезает за ней.

Лара молча стоит, бездумно глядя перед собой, потом поворачивается и поднимается к себе на второй этаж. Входит, закрывает дверь, прижимается к ней спиной. Лицо — мёртвое.

На глаза попадает папка с рисунками, лежащая на столе. Она смотрит на папку, подходит к столу, протягивает руку, касается верхнего листа, как бы желая открыть её, держит какое-то время руку на ней, потом резко выдыхает воздух, прикрывает глаза, убирает руку и начинает разворачивать свёрток.

Внутри — старые, когда-то бывшие белыми, сшитые вручную тапочки-калошки из искусственного меха. Лара надевает их на руки, медленно поворачивает ладони, рассматривая, и внезапно утыкается лицом в подошвы. Опускается на стоящий рядом стул, и плачет, так и уткнувшись в них лицом.

Вкус свободы

Парковка около дома Лары. С дороги сворачивает мощная дорогая машина, с рёвом подлетает к подъезду и замирает. Из неё выходит Роман (тот мужчина, что запечатлён на фотографиях у автосалона). Он невысок, коренаст, на нём дорогой костюм, сидящий как влитой. Мясистое лицо, высокий лоб с большими залысинами и властный, холодный взгляд. Во всём облике — сила, безжалостность и ум.

С заднего сиденья достает цветок — розу. Одну. Огромную. Тёмно-красную, почти чёрную, на невероятно длинном, толстом, шипастом стебле. Идёт в дом.

Внутри квартиры.

Лара в той же позе.

Снизу голос. Чуть насмешливо, интригующе.

— Девочка? Ты где?

Лара отнимает руки от лица, продолжая всхлипывать, снимает с ладоней тапки, опускает их на пол, вытирает слёзы, прибирает волосы — всё медленно, обречённо.

Голос:

— Ты дома?

Лара молчит.

Дверь открывается. Вошедший окидывает её взглядом, по лицу видно, что ни одна деталь не ускользает от него, Лара молчит, он — тоже.

Подходит. Подносит розу к лицу Лары. Медленно проводит бутоном ото лба к губам, останавливает руку, прижимает цветок к её рту. Лара покорно вовлекается в игру, открывает рот, начинает покусывать цветок; он молниеносным движением, переворачивает розу из вертикального положения в горизонтальное и вталкивает стебель ей между зубов. Она крепко закусывает его. Роман разворачивает её спиной к себе, кладет руку на затылок, нагибает над столом, у которого они стоят. Берет её не раздеваясь сам и не снимая с неё ничего. Рука на затылке Лары, он держит её за волосы — так держат собаку за ошейник.

Камера — крупный план (сбоку, чуть сзади) и потом — спереди: лицо Лары, роза в зубах, кровь на губах — от шипов стебля. Рука мужчины, держащая её за волосы. Его голова в кадр не попадает, анонимность усиливает впечатление чего-то механического, неживого. Лицо Лары — очень крупно, под маской безучастия на нём разгорается ненависть.

Пытка окончена, она выпрямляется, поворачивается к Роману, на лице снова безучастие, глаза опущены.

Он рывком вынимает у неё изо рта розу, с раздражением: — Ты плохо выглядишь.

Лара, словно бросаясь в прорубь, отрывисто: — У меня проблемы.

Он, не мигая, смотрит на неё. Идет к камину, ставит розу в тонкую вазу, говорит уже спокойнее:

— Мы же с тобой договорились. В этом доме — есть толь-

ко мои проблемы.

— А мои?

— А твоих — нет.

— Разве я не человек?

Он подходит ближе. Властно, не повышая голоса:

— Что у тебя случилось?

Лара отрывисто говорит, словно назло:

— Мама умерла.

Он меряет её взглядом, приподнимает бровь:

— Ты никогда о ней не говорила. Нужны деньги?

Лара, холодно:

— Нет.

— Тогда чем ты расстроена?

Лара, внезапно срываясь:

— Ты что, ничего не понимаешь? У меня умерла мама!!

Его лицо каменеет, взгляд становится злым, но голос всё так же спокоен:

— Понимаю. Соболезную.

Поворачивается, чтобы уйти, делает шаг, потом вдруг снова поворачивается к ней:

— А... когда она умерла?

Лара открывает рот, чтобы ответить. Он внезапно, резко, с силой:

— Не врать!

Лара вздрагивает всем телом, отвечает нехотя, словно преодолевая внутреннее сопротивление:

— Год назад.

Он складывает руки на груди и начинает хохотать. Смеясь, подходит к ней:

— И ты только сейчас это осознала?

Лара, подаваясь к нему, яростно, передразнивая его интонацию:

— Я только сейчас об этом узнала!

Их лица, оскаленные — одно в смехе, второе в ярости — вплотную друг к другу.

Он хватается её за ворот платья, подтягивает к себе, на её лице ярость сменяется ужасом.

Он перестает смеяться, чеканит слова:

— Как ты сказала? «Разве я не человек?» Ты это — серьёз?

Резко отталкивает её от себя. Лара отлетает к столу, падает на стоящий рядом стул.

Он, холодно:

— Кто девочку платит — тот её и танцует, милая! (*Смотрит на часы*) Жду тебя внизу, в шесть.

Идёт к двери. Открывает её, с порога:

— Надень всё самое лучшее. (*Раздумчиво, словно самому себе*) Сегодня — очень большой день.

Возвращается, идёт к камину, забирает розу и идёт к двери.

Лара:

— Разве это не моя роза?

Он, не поворачиваясь:

— Ты её сегодня не отработала.

Выходит.

Лицо Лары крупным планом — слёзы медленно текут, немигающий взгляд. Она сбрасывает туфли, вдевает ноги в старые тапочки, лежащие там, где она их бросила.

Поворачивается к столу. И открывает папку. В ней — картины Рыжика, её сестры. На больших мягких листах, по типу бумаги для флип-чартов. Да собственно это она и есть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.